

«МАЛЕНЬКИЙ ГАНС» КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ СЛУЧАЙ ФРЕЙДА*

ФИЛИПП СТАСС

Вновь обратившись в связи с данным семинаром к тексту Фрейда «Маленький Ганс», я был изумлен не только редкостным богатством этого случая, проанализированного и представленного Фрейдом с присущей ему точностью, но и содержащимся в нем обучающим потенциалом. Говоря об этом потенциале, я отношу его не только к клинической картине фобии, рассмотренной в этой работе Фрейда, но и к неврозу в целом, более того, – к психическому функционированию в целом.

Опираясь на этот текст, я вместе с вами попробую извлечь несколько уроков, касающихся подхода к бессознательному, к тому, что Лакан называл «психической реальностью». При этом, очевидно, я буду ссылаться не только на оригинал, но и на работы Лакана, показывая, какие прояснения он привнес в его прочтение. Лакан часто обращается к «Гансу», в частности – в Четвертом Семинаре «Объектные отношения» (1956-1957), большая часть которого посвящена как раз разбору данного случая. Своим прочтением он помогает нам уточнить понимание некоторых ключевых моментов этой экстраординарной работы Фрейда.

Прежде всего, Лакан привлекает наше внимание к тому, как надо подходить к случаю в целом, отмечая и погрешности, которых стоит избегать в клинической практике. В особенности он подчеркивает необходимость тщательно проследить «сеть» означающих в продуцируемом субъектом материале, в частности, разнообразное их циркулирование и многочисленные перестановки, которые имеют место в «лабиринте» Маленького Ганса. Конструкции этого ребенка, – Лакан сравнивает их с мифами, – можно свести к определенному числу составляющих, каждое из которых должно быть сначала выделено и затем рассмотрено в его отношении к другим означающим. Иначе говоря, ни одно из означающих не имеет какого-либо отдельного (односмыслового) значения. «Фундаментальная игра означающих – это пермутация (перестановка и сочетание – *Пер.*). Именно этот пермутативный порядок и лежит в основе конструкций Ганса, как, впрочем, в основе конструкций любого другого субъекта».

---

* Текст выступления на семинаре, проведенного «Фрейдовским Полем» в г. Донецке (сентябрь, 2003г.).

Итак, последуем за Гансом и его отцом, читая текст вместе с Фрейдом и Лаканом.

С самого начала мы сталкиваемся с вопросом Ганса относительно наличия у матери *Wiwimacher*'а и ее ответом: «Само собой разумеется, почему ты спрашиваешь?». Итак, мать не поняла, что вопрос Ганса касался различия полов. Более того, ответ матери прозвучал как отрицание этого различия. И Ганс продолжает цепочку эквивалентов *Wiwimacher*'а, констатируя, что из вымени коровы (которое он принимает за один из таких эквивалентов) вытекает молоко. Это его первая версия материнского *Wiwimacher*'а.

Впоследствии со стороны матери следует угроза, решительно пресекающая то удовольствие, которое он испытывает от прикосновения к своему пенису: «Если ты это будешь делать, я позову доктора, и он отрежет тебе твой *Wiwimacher*». Как мы видим, она ссылается не на отца, а на доктора, мысля его в качестве «эксекютора». Ответ Ганса на вопрос матери: «Чем же ты тогда будешь делать *wiwi*?», – «Моим *poro*», – указывает на смещение с переда на зад (с *Wiwimacher*'а – на «*poro*»). Итак, подобное смещение – результат первой угрозы кастрации, исходящей от матери. Тогда Ганс продуцирует целую серию новых образований: *Wiwimacher* льва, локомотива, собаки, лошади. И далее он адресует отцу все тот же вопрос: «Папа, и у тебя есть *Wiwimacher*?». Ответ отца – «Да, конечно», – звучит без всяких комментариев. Можно сказать, что в этот момент отец никак не уловил важности вопроса для Ганса.

Итак, до сего момента мальчик не подошел еще к комплексу кастрации. *Wiwimacher* везде и всюду: у матери, у отца, у Ганса, у лошади и т.д. И по его поводу Ганс играет в прятки.

Лошадь присутствует в мире Ганса еще до развертывания фобии, и служит опорой в обсуждении с матерью все той же темы, но слегка в новом свете. Ганс обращается к матери и говорит ей: «Я думаю, раз ты большая, то и *Wiwimacher* у тебя, как у лошади». Здесь заново вопрос о различии полов отрицается со стороны матери, на этот раз – в отношении размера. И то, что отличает ребенка от взрослого, – это только размер *Wiwimacher*'а («Раз ты большая...»).

Тут мы должны обратиться к важному событию, свершившемуся в жизни Ганса, – рождению его сестры. Именно здесь всплывают темы аиста, зубов, крови, которая вытекла вместе с появлением новорожденной на свет из *Wiwimacher*'а матери. После же последовала констатация: «А *Wiwimacher* у нее еще мал... но когда она вырастет – он станет больше». Здесь опять нет полового различия, на этот раз между ним, мальчиком, и девочкой – сестрой.

В этом же возрасте Ганс видит сон, где он в Гмундене «...совсем один с Марикой» (как выражение желания сблизиться с этой маленькой девочкой), и далее он говорит о «своих детях Берте и Оле», которых принес аист. «Совсем один» демонстрирует нам, что в его желаемых отношениях с Марикой нет ни-

какого вмешательства «со стороны», совсем как в его отношениях с матерью. Маленькая сестра свергла Ганса с трона этих его привилегированных отношений, но ничто не мешает ему идти по пути идентификации с матерью, недавно родившей дочь.

Именно тогда Ганс делает рисунок жирафа и его *Wiwimacher*'а, проводя параллель с лошадей, «у которой *Wiwimacher* внизу, как и у меня», говорит о «совсем маленьком *Wiwimacher*'е сестры» и выражает свое желание спать с Марикой.

Позже следует эпизод, где мать купает сына, избегая прикосновения к его пенису, и отвечает ему словом «свинство», когда Ганс просит ее «там» притронуться: «Почему ты здесь не трогаешь пальцем?». Непосредственно после данного эпизода он снова видит сон, в котором приглашает другого ребенка «заставить его (Ганса) сделать *wiwi*». И в это же самое время Ганс начинает испытывать страх, опасаясь, что на улице его укусит лошадь. Фрейд связывает страх мальчика с тем, что «он был где-нибудь испуган видом большого пениса». И, действительно, в пользу такого объяснения говорит серия означающих, которую выстраивает Ганс: большой пенис лошадей, мать – большой *Wiwimacher*, как у лошади, и т.д. Легко убедиться, что вся эта серия разворачивается вокруг одного вопроса: «Присутствия пениса у матери».

Далее, Ганс видит тревожное сновидение, связанное с возможным уходом матери: «Когда я спал, я думал, что ты ушла, и у меня нет мамы, чтобы ласкаться к ней». Он чувствует, что мать может куда-то уйти, другими словами, он ставит вопрос о желании матери: «Что она хочет?». В этот период Ганс не хочет разлучаться с матерью. И он боится, что вдруг лошадь войдет в его комнату. Он призывает фобическое означающее, в качестве которого выступает лошадь. Это означающее будет играть поляризирующую роль, перестроив весь мир Ганса и навязав ему определенные ограничения. Сначала это – смутное, непонятное означающее. Кажется загадкой, почему выбрано именно оно, а не какое-либо другое. С другими означающими оно связывается метонимическим образом. Весомость смысла, смысловая значимость, пробегающая по означающей цепи, переходит от одного элемента к другому, смежному по значению, посредством ассоциации и смещения, чтобы схватить переход к другим означающим. У Ганса такое означающее – «лошадь».

Итак, Гансу запрещено прикасаться к своему пенису. Анализируя этот момент, Фрейд устанавливает различие между началом тревоги и началом фобии. Начало тревоги Фрейд представляет мыслями, одновременно чувственными и тревожными, которые кружатся вокруг матери. Ганс боится ее потерять, боится того, что она может уйти. Фрейд говорит нам, что именно эта повышенная нежность к матери превращается в тревогу, но она же подвергается и вытеснению. В остатке оказывается просто тревога, на которую впоследствии прививается означающее «лошадь», трансформируя тревогу в страх. В

этой трансформации мы видим, как страх лошади именует и одновременно локализует на объекте (лошадь) то, в чем заключена тревога. Фрейд представляет тревогу как вытесненную либидинальную трансформацию.

В своем семинаре «Объектные отношения» Жак Лакан возвращается к вопросу о том, как соотносятся между собой страх и тревога. Он отмечает, что тревога наступает в тот момент, когда субъект теряет представление о том, в какой точке жизни он находится: он совершает переход к другому времени, в котором уже не будет таким, каким был вчера. В такие моменты человек становится жертвой означающих другого. «Он взвешивает всю разницу между тем, почему он любим, и тем, что он может дать (свой *Wiwimacher*) в первоначальном отношении ребенка к матери». В соответствии с этим Лакан говорит о «первичной пассивности (безучастности)». Тревога Ганса была вызвана близящейся сепарацией с матерью, перспективой «выключенности из игры». Он – Ганс – представляется самому себе как ничто. Оказываясь перед фактом этого отсутствия, Ганс должен его символизировать.

Что же происходит при переходе от тревоги к фобии? Перед лошадьми Ганс испытывает страх: лошади кусают, падают. Тревога может развиться и без объекта. Лошади же в данном случае артикулируют и именуют собою то, что «выходит» из тревоги, трансформируя ее в страх. Они перестраивают его мир изнутри и снаружи, устанавливая новый порядок. Страх отмечает порог.

Страх перед лошадьми у Ганса перерастает в компульсивную навязчивость: его преследует потребность смотреть на лошадей, разглядывать их. Одновременно, его фобия достигает такой степени, что он уже боится выходить из дома. Локализация тревоги на означающем «лошадь» сопровождается редукцией жизненного пространства Ганса к территории дома. Все это – прекрасная иллюстрация к позднему развитому Лаканом представлению о так называемом «предотвращенном желании», в котором фобический субъект находит спасение от потенциальной опасности.

Между тем, Ганс начинает работать со своей фобией, по-своему стараясь справиться с ней. Он играет в «лошадки» с прислугой, угрожая «совсем раздеться», если она не подчинится ему. Тогда же отец дает сыну разъяснения по поводу *Wiwimacher*'а девочек. В ответ Ганс выдает фантазм относительно того, что видел у матери ее *Wiwimacher* сквозь тонкое полотно сорочки. Иными словами, данное отцом разъяснение, указывающее на отсутствие у женщин (то есть у матери) *Wiwimacher*'а, еще не принято Гансом, что отчасти может свидетельствовать и об отказе отцу в доверии. Ганс все еще не признает этого отсутствия. Сорочка, как отмечает Лакан, выполняет здесь функцию вуали: речь идет о том, чтобы увидеть то, что завуалировано. Означающее «жираф», выработанное ранее Гансом, здесь всплывает заново, но уже в измерении страха. Страх перед жирафом с длинной шеей Фрейд связывает с представлением о большом *Wiwimacher*'е (в этот период Ганс оперирует сравнениями между

размером своего пениса и пениса животных). Фрейд отмечает также, что полученные от взрослых сексуальные разъяснения пробуждают в Гансе тревогу кастрации (кастрационный комплекс): если некоторые существа не обладают пенисом, тогда и он может его потерять, то есть у него могут отнять его *Wiwimacher*.

В процессе развития страха возникает фантазм жирафа: «Ночью в комнате был один большой и другой измятый жираф, и большой поднял крик, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а я сел на измятого жирафа». Отец интерпретирует: «большой жираф – это я (большой пенис, длинная шея), измятый жираф – моя жена (ее половые органы) и все это – результат моего разъяснения».

Лакан возвращается к этой интерпретации и скрытой в ней ошибке. Очень вероятно, что термин «измятый» – просто продукт плохого перевода. Здесь, скорее, речь идет о «*roulé en boule*» (свернутый в комок). Очевидно, эти два жирафа являются своего рода двойниками. Они различаются только своими размерами. Причем, если мы говорим, что большой жираф – это отец, а маленький – мать, то с теми же основаниями можно утверждать, что большой жираф – это мать, а маленький – ребенок как двойник матери.

После следуют произведенные отцом наблюдения относительно запрета. А именно то, что Фрейд связывает с запретом обладать матерью и с инцестом. Чуть далее, во время визита Ганса и его отца к Фрейду, последний выдает следующую «странную» интерпретацию: «Уже давно, когда Ганса не было на свете, я уже знал, что появится маленький Ганс, который будет очень сильно любить свою маму и поэтому будет чувствовать страх перед отцом. И я об этом даже рассказал его отцу».

Вскоре после этого Фрейд отмечает, что «ему (Гансу) уже была дана возможность обнаружить свою бессознательную продукцию и расплести свою фобию».

Лакан отмечает оригинальность этой интерпретации Фрейда, ее исключительность, – как, впрочем, и других его интерпретаций, отмеченных тем, что речь в них не идет о высказывании, которое он передает другому, но о том, что открывает сам.

Далее в тексте мы находим интересное замечание относительно любви к отцу. Это момент, когда Ганс после вопроса отца отвечает ему вопросом: «А почему ты сказал мне, что я люблю маму и на меня находит страх, потому что я люблю тебя?» Здесь мы видим, как тема враждебности к отцу («люблю маму и на меня находит страх...») перетекает, соединяясь, в тему любви к нему. («Папа, останься, не убегай».) В этом отношении Фрейд замечает, что нужно различать страх перед отцом, вокруг отца и страх за отца перед отцом.

Лакан же подчеркивает, что речь идет о тревоге вокруг пустого места, которое представлено отцом в конфигурации Маленького Ганса. И именно поэтому Ганс ищет поддержку в страхах перед фигурой лошади.

В дальнейшем Ганс устанавливает различие между лошадьми: «Все белые лошади кусают». Соответственно, есть те, которые кусают, и те, которые не кусают. Есть также различие в движениях лошадей. Кусать и падать, падение и укус. Два полюса фобии, два элемента, которыми лошадь опасна и страшна. Ганс выражает желание подняться на машину. Все это составляет часть его способа справляться со своими фобиями. Он полностью – в работе.

Немного далее он уточнит, что у него появилась эта «глупость» тогда, когда лошадь, запряженная в омнибус, упала, и он испугался. Это позволяет Фрейду установить означивающую связь между «упасть» и «укусить» и важность шума *charivari*, производимого ногами лошадей.

Белое связано с отцом, черное – с его усами, шум *charivari* – с шумом, производимым, когда он делает *Lumpf*.

И здесь мы находим в тексте эпизод с панталонами (матери), которые неоднократно возникают на пути Ганса, панталоны разных цветов – желтые (как *wiwi*) и черные (как *Lumpf*), вызывая у него смешанное чувство удовольствия и отвращения. Это ведет к названному Фрейдом комплексу *Lumpf*.

Лакан отмечает, что, поскольку зрелище панталон отчасти вызывает у Ганса отвращение, он никогда не станет фетишистом. Они не содержат для него того таинственного загадочного фаллоса, которого никто и никогда не увидит. Но едва мать в них облачается, как они перестают быть отвратительными, поскольку начинают содержать в себе доблесть обманчивого материнского фаллоса. Эти панталоны способствуют той игре, которая существует между ней (матерью) и Гансом, – видеть / не видеть то, что не может быть увиденным, ибо не существует. Маленький Ганс очень хорошо все это знает. Панталоны выполняют функцию вуали, которая утаивает (маскирует) фантазм о «фаллической матери». Лакан отмечает также, что *Lumpf* приобретает здесь новый, дополнительный смысл, связанный с функцией панталон, – иначе говоря, за этой вуалью (которая и есть основная их функция) скрывается отрицаемое им отсутствие пениса матери. Одно (*Lumpf*), как и другое (панталоны), есть нечто, что может упасть.

Затем в тексте фигурирует эпизод, когда Ганс играет с другими детьми в лошадки: «Я молодая лошадь». Здесь Ганс воистину занят постановкой «немой сцены» своей фобии. Он устанавливает связь между «заполучением своей глупости» и лошадью («из-за лошади»). Фрейд отмечает близость между *wegen* (из-за) и *wagen* (воз, машина).

Читая текст дальше, мы встречаем у Ганса фантазм ванны: «Я сижу в ванне, тут приходит слесарь и отвинчивает ее. Затем берет большой бурав и ударяет меня в живот». Соответственно, Ганс уже переходит от укуса (лошадью) – к

отвинчиванию (ванны). Мы видим при этом вмешательство третьего, слесаря, который что-то развинчивает, разъединяет. Необходимо также подчеркнуть вопрос перфорированной дыры – материнской «дыры», с которой Ганс конфронтирует.

Ганс боится упасть в ванну, затем изъявляет свое желание, чтобы туда упала его маленькая сестра Анна.

Далее мы замечаем серию сцеплений между дверью кучера, задом, лошадыми и *Lumpf*, а также между ящиком, ванной, материнским животом и сундуком. Эта «продукция» вызвана рождением сестры Анны и ориентирована в сторону эквивалентности, которую маленький Ганс устанавливает между «ребенком» и «*Lumpf*» детских сексуальных теорий. От выражения «дразнить лошадей» он переходит к «стегать кнутом», от «аистиного ящика» – к «беременным женщинам». Фрейд отмечает, что средства «транспорта» здесь фигурируют не без связи с сексуальным отношением.

Ганс играет с куклой, он делает дыру перочинным ножичком между ног и ищет там *Wiwimacher*. Он воображает себе, что кладет яйцо, чтобы заиметь ребенка, полагая, что мальчики рождают девочек, а девочки – мальчиков. Фрейд отмечает: «Естественно, что ребенку недостает существенной части в понимании сексуальных отношений до тех пор, пока для него остаются не открытыми женские гениталии».

В течение этого времени родители Ганса дают ему объяснения, касающиеся рождения детей. У Ганса появляется фантазм женитьбы на своей матери и возможности иметь с нею общих детей.

Прочие же ассоциации вращаются вокруг черного – *Lumpf*-падения (падение чулок). Отец связывает тревогу Ганса, не позволяющую ему удалиться от дома, с тоской по матери, которую он испытал во время ее родов, разрушивших их близость.

В момент, когда Ганс играет со своими воображаемыми детьми, он сообщает: «Прежде я был мамой, а теперь я папа». Он превращает собственную мать – в мать своих детей, а отца производит в дедушки и женит на его собственной матери (на бабушке). Подобным образом Ганс разрешает свой Эдип.

Наконец, он вырабатывает фантазм о водопроводчике: «Пришел водопроводчик и сначала клещами отнял у меня мой зад и дал мне другой, а потом и другой *Wiwimacher*». На что отец отвечает: «Он дал тебе большой *Wiwimacher* и большой зад, как у папы». Здесь речь идет, как отмечает Лакан, о том, что может быть «отвинченным», что может быть «отнятым» или «снятым» и потом возвращенным, в символическом плане. Именно об этом идет речь в комплексе кастрации. Вопрос заключается в следующем: отец ли возвратил это нечто Гансу? Текст свидетельствует, что именно с этого момента отмечается его «излечение».

Мы найдем у Лакана многочисленные комментарии по поводу подобного исхода. Сначала он отмечает, что, если и можно говорить об удовлетворительном излечении данного случая фобии, то лишь благодаря вмешательству реального отца, который вплоть до последнего момента почти не вмешивался в ход дела. Отцу же это удалось, главным образом, благодаря поддержке со стороны символического отца, который находился у него за спиной и которым являлся Фрейд. Вместе с тем, надо заметить, что в отношениях между сыном и отцом мало что изменилось. Когда отец спрашивает: «А что бы ты захотел сделать, если бы ты был папой?» Ганс отвечает: «А ты Гансом? Я бы тогда возил тебя каждое воскресенье в Лайнци к бабушке, нет! Каждый день!» Здесь речь идет о не-типичной реализации Эдипа. Похоже, Ганс отныне – дедушка (что не мешает ему видеть себя и супругом своей матери), который отправляет своего «сына» к бабушке. То есть мать не была запрещена отцом. Мать, в результате преобразований Ганса, приобретает в лице бабушки некое удвоение, что позволяет Гансу найти своего рода «треножное» равновесие: позицию третьего, которую он не нашел в отце, он находит в бабушке.

Итак, Ганс располагает себя в воображаемом отцовстве. У него будут дети. Отцовская функция и ответственность за нее – воображаемы. Он заместит себя так называемой матерью. У него будут дети, как и у нее. Женщина, говорит Лакан, всегда будет только фантазмом его маленьких сестер-девочек. Он найдет гетеросексуальную форму объекта, но его отношения с партнером-женщиной будут воплощены не с матерью, а с воображаемыми детьми, которых он может иметь от матери. Он полностью оставляет впечатление нормального гетеросексуала, но путь, который он пройдет в Эдипе, является атипичным, что связано с несостоятельностью отца.

Иначе говоря, могут быть разные типы гетеросексуальности под видом обычной нормальной гетеросексуальности. Как же Лакан рассматривает это различие? «Надо, – говорит он, – чтобы субъект, независимо от того, мальчик это или девочка, достиг такой позиции, где бы он смог корректно расположиться в отношении функции отца. Истинная цель Эдипа – это прийти к правильной позиции в отношении отцовской функции. Ребенок-мальчик должен достичь «этой позиции, такой проблематичной и парадоксальной, – быть отцом». И все фрейдовское вопрошание сводится к следующему: Что же это значит – быть отцом?».

Маленький Ганс находится в пассивной позиции, несмотря на гетеросексуальность своего объекта. Он находит выход, идентифицируясь с материнским идеалом.

Маленькие девочки, присутствующие в изначальных разработках Ганса, представляются в конце уже в виде его детей. «Маленький Ганс полюбит женщин, – говорит в связи с этим Лакан, – но они останутся для него фундаментально связанными с определенным видом испытания власти. Именно по-

этому мы можем сказать, что он всегда будет к ним относиться с осторожностью (страхом). Можно сказать, что они будут его любовницами. Они будут девочками его восторженного отношения к матери».

Лакан в этом семинаре, не теряя из поля зрения Ганса, ставит очень важный вопрос: «Что такое отец?». Ганс изначально выступает с позиции ребенка, которому все разрешено. В плане запретов отец полностью отсутствует. И Лакан задает закономерный вопрос: почему в этой ситуации ребенок начинает нуждаться в фобии? К чему он обращается, что он вызывает этой фобией?

Если мы начнем с конца, с момента, когда фобия уже разрешилась, можно констатировать, что в ход пускается нечто из области «отвинчивания», отнятия у него чего-то. То есть излечение приходит в момент, когда артикуляции подвергается кастрация. Миф, который сконструировал для себя Ганс, артикулируется вокруг отсутствия чего-то. Его отец очень милый, хороший, он все понимает. Но в этом и драма.

Фобия – это то, что, ввиду отсутствия страха перед отцом, приходит на его место и замещается страхом лошади. Здесь означаящее «лошадь» может быть замещено означаемым «отец». Это и отмечает метафорическую функцию фобического объекта. Лошадь означает то, что можно в связи с этим означаемым прочесть (самое разное) и сделать с ним, что хотим. Другими словами, строгая однозначность тут не уместна. Действительно важно лишь одно: означаящее занимает особое место и выполняет особую функцию. Маленький Ганс, в известном смысле, просит отца «убрать» мать с ее места и занять по отношению к ней место мужчины. Это направляет нас к вопросу о месте отца в комплексе Эдипа и месте, которое он занимает в серии: мать-отец-ребенок-фаллос.

В этой серии каждый элемент находится в связи с другими. Вопрос же состоит в том, чтобы понять, как именно каждый из элементов сочленяется с другим? Итак, в фобии Ганс находит замещение своему отцу, который никак не решается его кастрировать. «Речь идет о том, – утверждает Лакан, – чтобы узнать, как Маленький Ганс сможет выдержать свой реальный пенис, именно в том смысле выдержать, что он – вне угрозы. Это и есть основа тревоги. Это и есть несостоятельность со стороны кастратора». И в мифе Ганса есть несколько персонажей, приходящих на место этого некастрирующего отца: например, слесарь-водопроводчик. Итак, у Ганса мы встречаем, как и в клинике вообще, вопрос материнской кастрации, с одной стороны, и отцовской – с другой. Со стороны матери мы находим тему укуса и поглощения. Со стороны отца – соперничества и убийства, с возможностью иного диалектического развития, позволяющего выйти из воображаемых отношений.

Можно также заметить, что в Эдиповом комплексе, начиная с некоторого момента, мать рассматривается и переживается в функции отца.

Итак, можно сказать, что Эдип находится в отношениях прямого соответствия кастрационному комплексу и что символический порядок, в который он введен, приводит к вопросу: «Что же такое отец?»

Жак-Алан Миллер на конференции в Буэнос-Айресе в 1994 году отметил, что в Четвертом семинаре, где Лакан перечитывает Маленького Ганса, мы находим теорию матери и клинических последствий женской сексуальности для ребенка. Вопрос касается артикуляции желания матери как женщины, женской кастрации и нехватки объекта. Это также семинар, замечает он, в котором мальчик, носитель симптома, выступает в качестве ребенка, являющегося решением женской нехватки, или ребенком-фаллосом. Но это замещение само по себе недостаточно. Именно в этом направлении Лакан будет развивать позднее статус ребенка как объекта для матери.

Перевод с франц. – Нуне Карагезян